

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ГЕРОЯ» У ЧЛЕНОВ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Киселев А.А.¹

¹ГОУ ВПО «Омский Государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск, ул. наб. Тухачевского, 14), e-mail: ale9505@yandex.ru

В статье, на основе анализа источников личного происхождения деятелей российского революционного движения, рассматривается такой феномен революционной субкультуры как "Герой" и миф о "Герое". Выделяются группы источников формирования образа "Героя", в частности художественная литература, философские, исторические произведения, революционные биографии, а также личное влияние, и степень их влияния на революционеров. Почти каждый из революционеров испытал на себе влияние всех выделенных групп источников, но с различной степенью влияния. Формирование образа идеального революционера, - сложный и длительный процесс. Разнообразие источников формирования говорит о различных подходах к созданию образа "Героя". "Герой" - это не только сложный мыслительный конструкт, он выступает регулятором отношений, поведенческим образцом внутри революционной субкультуры, основой для формирования специфической системы норм и ценностей.

Ключевые слова: революционное движение, революционная субкультура, социалисты-революционеры, "герой".

SOURCES OF FORMATION OF THE IMAGE OF "HERO" FROM MEMBERS OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARIES BEGINNING OF XX CENTURY

Kiselev A.A.¹

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia (644099, Omsk, street quay. Tukhachevsky, 14), e-mail: ale9505@yandex.ru

The article, based on the analysis of the sources of personal origin figures of Russian revolutionary movement, is considered a phenomenon of revolutionary subculture as "Hero" and the myth of "Hero." , Groups of sources of the image of the "Hero", in particular fiction, philosophical, historical works, the revolutionary biographies and personal influence, and their impact on revolutionaries. Almost every one of the revolutionaries was influenced by all of the selected groups of sources, but with varying degrees of influence. Formation of image of the ideal revolutionary - a complex and lengthy process. A variety of sources of talks about different approaches to the creation of the image of "Hero." "Hero" - is not only a complex mental construct, it appears the regulator relations, behavioral patterns within the revolutionary subculture, the basis for the formation of a specific system of norms and values.

Keywords: revolutionary movement, the revolutionary subculture, the Socialist-Revolutionaries, the "hero".

В начале XX века Россия вступила в новую фазу революционного движения. На смену революционерам «старой формации» пришли новые, молодые, по выражению И.П. Каляева, «народные мстители» [7, с. 19, 29]. К концу XIX – началу XX века складываются новые неонароднические организации, пришедшие на смену народникам 70-х – 80-х годов XIX века. В начале XX века разрозненные кружки объединились в партию социалистов-революционеров, которая продолжила борьбу с правительством народолюбческими способами, в частности, террором.

Радикальная интеллигенция выделилась из российского общества в отдельное социокультурное образование, особую субкультуру, которая, благодаря Степняку-Кравчинскому, получила название "подпольная Россия". Революционной субкультуре свойственно создавать собственную систему представлений, воззрений, взглядов, иногда

доходящих до фанатичных убеждений и религиозных верований. Благодаря созданной системе представлений сложился своеобразный институт "Героев и Мучеников", в котором культивировался образ идеального революционера (Героя), соединяющего в себе черты религиозного мученика и "борца за свободу". Будущий революционер, опираясь на созданную конструкцию, формировал в себе необходимые качества, подражал образу, использовал его для ответа на вопрос «делать жизнь с кого». Источниками для формирования образа Героя выступали: художественная литература, исторические и философские произведения, личное влияние и конкретные примеры революционной деятельности участников революционных организаций, революционные биографии (агиографии), революционная публицистика и устные "легенды".

Художественная литература, исторические и философские произведения

Роль литературы в формировании образа "Героя" трудно переоценить. Например, П.А. Кропоткин, один из теоретиков анархизма, отмечал, что «ни в какой иной стране литература не занимает такого влиятельного положения, как в России. Нигде она не оказывает такого глубокого непосредственного влияния на интеллектуальное развитие молодого поколения» [11, с. 2]. Влиянию литературы (преимущественно художественной) на радикальную интеллигенцию было посвящено несколько научных работ, среди которых следует выделить статью Л.А. Колесниковой, монографии М.Б. Могильнер и И. Паперно. Л.А. Колесникова осветила общий круг чтения представителей революционного движения, в который входили художественная литература, произведения исторического, философского, экономического направления [10, с. 96-105]. М.Б. Могильнер реконструировала, на основе художественной литературы, литературные мифологемы "Подпольной России" [16]. И. Паперно предприняла опыт воссоздания норм нигилистического поведения на материале текстов Н.Г. Чернышевского [19].

Значение литературы в России действительно было очень велико. Литература являлась основным источником информации. Во второй половине XIX века, когда происходила трансформация социальных отношений, которая привела к разрушению старой картины мира, российское общество стремилось найти новые мировоззренческие основы своего существования. И эти основы она находила в литературе. По утверждению А. Рейтблата, "книга рассматривалась как жизненный наставник, помогающий в духовном и нравственном самосовершенствовании" [21, с. 20]. Но в тот же момент, "от литературы большинство читателей ждало главным образом не «художественности», а публицистичности и дидактичности, критики существующих порядков и изображения образцов для подражания" [21, с. 21]. И этим образцом для подражания стал революционер.

Реальные люди, революционеры, закаленные в боях с правительством, становились

прообразом главных героев литературных произведений. "«Действующих революционеров» мы знали тогда, в сущности, по «Нови» Тургенева – в виде таинственного, действующего откуда то из-за кулис, всезнающего и всем распоряжающегося «Василия Ивановича», да еще по тенденциозному реакционному роману «Генета» Тхоржевского", – вспоминал лидер эсеров В.М. Чернов [28]. Зензинов писал: "Особенно мы любили нашу народническую литературу – Некрасова, Глеба Успенского, читали и перечитывали их вслух, потом втроем обсуждали прочитанное, спорили" [6].

Хранение и распространение революционной литературы на территории Российской империи являлось противозаконным деянием. Поэтому люди, уличенные в этом, могли оказаться в тюрьме или на каторге. Но благодаря возможности учиться за пределами России, в иностранных университетах революционно настроенная молодежь активно занималась изучением запрещенной литературы. В.М. Зензинов писал по этому поводу: "За границей я мог свободно познакомиться с богатой русской революционной литературой, мог подробно изучить героическое революционное движение в России 60-х и 70-х годов и все это еще больше укрепило меня в моих революционных взглядах" [5]. Литература становилась одним из важнейших источников трансляции того образа Героя, который был необходим революционной субкультуре. Образ действий и поведения этого «героя» в художественном произведении оседал в сознании молодежи как объективная реальность.

Особое внимание следует уделить произведениям С.М. Степняка-Кравчинского, например, «Подпольная Россия» и «Карьера нигилиста» (в русском переводе «Андрей Кожухов» – прим. А.К.) [23; 24]. По мнению М.Б. Могильнер, именно Степняку-Кравчинскому принадлежит приоритет в создании героя Подпольной России [16, с. 45]. Благодаря ему революционер превратился в героя-страдальца, самоотверженного выполняющего свой долг, жертвуя своей жизнью, перед народом. Гр. Нестроев в своем дневнике писал о книге С.М. Степняка-Кравчинского "Подпольная Россия": "Это было то, чего я бессознательно искал" [17, с. 9].

Активно будущие революционеры изучали произведения деятелей декабристского движения и Великой французской революции. "Мы преклонялись перед декабристами, знали наизусть строфы из Рылеева, увлекались эпохой сороковых годов", – писал в своих воспоминаниях Зензинов [6]. Подражали французским революционерам: «...брали цитаты из пламенных речей времен Великой французской Революции, <...> из воззваний Бабефа – и печатали эти вещи на гектографе с необходимыми изменениями в применении к русской действительности" [6].

Но не только художественная литература, но и, в определенной степени, исторические произведения (иногда граничившие с публицистикой) являлась источником формирования

"Героя". Здесь нельзя не сказать о влиянии Великой французской революции [8, с. 84, 92, 95]. О роли ее изучения и влиянии на молодых революционеров подробно описал В.М. Зензинов, повествуя о своем визите в Париж в компании А.Р. Гоца: "Париж произвел на меня неизгладимое впечатление. Первым делом вместе с Абрамом мы обегали все исторические места Парижа, знакомые нам по истории французской революции: Палэ-Ройяль, где Камилл Демулэн призывал народ идти на приступ Бастилии, площадь Бастилии, <...>, площадь Конкорд, <...>. Переходя из одной улицы на другую, названия которых нам были так знакомы, мы как будто снова перечитывали и переживали теперь все эти события. Ведь здесь когда-то ходили Мирабо, Дантон, Сен-Жюст – и сколько еще других, имена которых были в нашем сознании окружены героическим нимбом..." [6].

В своем интервью Б.А. Бабина особо отмечала роль толстых журналов, в частности журнал "Былое": "Отец выписывал журнал «Былое», и я его всегда внимательно читала. Впечатляли романтика, героизм. Там было много и об эсерах: самое начало, девятисотые годы, когда был убит Сипягин" [1]. Можно заметить на какие аспекты в подобного рода литературе будущие революционеры обращали внимание, в частности это был тот "Герой" образ которого активно пропагандировала революционная субкультура.

В дневнике Гр. Нестроева фигурирует работа немецкого историка А. Туна [25]. Пример Нестроева является в некоторой степени уникальным, потому что он один из немногих революционеров, кто указал эту работу как первоисточник. Все свои первоначальные знания о революционерах он почерпнул именно из этой книги и именно она стала одной из основополагающих в формировании у него образа "Героя" [17, с. 9].

Из философских произведений особо следует отметить влияние Ф. Ницше, а точнее его работы "Так говорил Заратустра" и высказанной в ней концепции "свободной смерти" [18]. Эта концепция оказала существенное влияние на мысли и поведение революционеров в начале 1900-х годов (особенно эсеров-террористов). Как отмечает исследователь В.Б. Петухов: "Это послужило широкому распространению среди них мортилатрических идей и настроений. Понятие мортилатрия (от латинского *mors, mortis* – смерть и греческого *λάτρευο* – служить, поклоняться) вводилась для того, чтобы обозначить культ смерти во имя торжества свободы. Смерть, как праздник, смерть в борьбе, были господствующими идеями в сознании террориста" [20, с. 82, 93].

В целом следует отметить, что литература являлась ведущим источником формирования образа "Героя". Но литература была не только художественная, но и сугубо научная, что позволяло вырабатывать в сознании очень сложный конструкт, объединяющий в себе компоненты литературы, истории и философии.

Революционные биографии, революционная публицистика и устные истории

Среди литературных источников формирования образа "Героя" отдельной группой следует выделить революционные биографии, которые следует отнести к жанру агиографии, революционную публицистику и устные истории. На наш взгляд употребление термина "агиография" для характеристики революционных жизнеописаний наиболее уместен, так как по своему стилю и структуре революционные биографии близки к житиям святых. По мнению О.Б. Леонтьевой, биография революционера должна была вызывать у читателя желание подражать ее герою, повторить его жизненный путь (точно так же, как жития святых – в ином культурном контексте – должны вызывать у читателя стремление возрастая в благочестии). Революционная биография как и житие святого это не столько описание его жизни, сколько описание его пути к "спасению" (в нашем контексте – к революции, приходу в революционное движение) [12, с. 407].

Российская интеллигенция (в частности радикальная) создала свою собственную религию, являвшуюся неким симбиозом атеизма и догматов христианства. С. Н. Булгаков писал, что христианство выражало идею Богочеловека, в то время как интеллигентский героизм выражал еретическую идею человекобога [2, с. 92]. Революционер представлялся как христианский мученик, который жертвует собой во благо народа. Воспоминания революционеров создавались не только вследствие того, что «их судьбы могут быть интересны для будущих историков», но и «убеждение в исключительной значимости их личного опыта» [12, с. 421].

Биографии виднейших деятелей российского революционного движения, таких как Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, Н.Г. Чернышевский, который «был уже легендарной фигурой», становились основой для художественных произведений. Для многих они были учителями. Руководитель Боевой организации эсеров Г.А. Гершуни считал П.Л. Лаврова своим учителем. В.М. Чернов называл П.Л. Лаврова «незримым крестным отцом» [28]. Последователем Н.К. Михайловского ощущал себя и Е.С. Созонов. Б.В. Савинков в своих воспоминаниях писал, что Созонов это «человек, прошедший школу Михайловского и Лаврова» [22, с. 35].

Н.К. Михайловский долгое время был кумиром молодежи. «Властитель дум» революционной молодежи 1870-х годов, как отзывались о нем В.М. Черном и М.В. Вишняк [3; 28]. Молодые революционеры не только активно читали биографии этих деятелей, но и изучали их основные работы. Например, особо увлекала молодых революционеров упомянутая нами теория Н.К. Михайловского о «герое и толпе», в которой Михайловский не только указывал основные черты "Героя", но и пытался объяснить механизм коллективного действия склонностью человека к подражанию [13, с. 96-190; 14, 366-404; 15, 404-466].

Чтение революционной публицистики являлось обязательным условием в

становлении, развитии революционера. В.М. Чернов вспоминал: "...я продолжал себе жить уединенной умственной жизнью, жадно и беспорядочно поглощая все книги, какие только попадутся под руку, упиваясь, например, «Письмами из деревни» Энгельгардта наравне с «Вечным Жидом», статьями Шелгунова..." [27, с. 19]. Гр. Нестроев отмечал переломный момент в становлении себя как революционера: "Так продолжалось довольно долго, пока я не прочитал "Исторических писем" Миртова, первую книгу "Вестника Русской Революции", лучшие статьи Михайловского " [17, с. 9].

Революционные биографии становились объектом не только печатного слова, но и устных историй. Подобного рода истории обычно рассказывали на совместных собраниях, происходивших в квартирах или других местах. Обычно истории касались либо предшественников или "легенд" революционного движения (например, революционеров 1850-60-х или 1870-80-х годов), либо недавно погибших товарищей. Отметим, что подобным историям были свойственны, как и печатным вариантам, элементы идеализации и определенной святости. "Герой" рассказа всегда показывался с наилучшей стороны, отмечались только самые важные и необходимые (для формирования образа – *прим. А.К.*) черты. К таким легендам относился и упомянутый нами ранее Н.Г. Чернышевский, П.Л. Лавров. Для радикальной интеллигенции "легендой" являлся был Сергей Нечаев, истории о котором, как отмечал Зензинов, "слушали с особым вниманием" [6]. М. Чернавский вспоминал такой момент: "Довольно долго вечера заполнялись исключительно за счет Савинкова. <...> Блестящий рассказчик, он мог в течение 2-3 часов неотрывно приковывать внимание слушателей. Особенно были хороши его рассказы о Е.С. Созонове и И.П. Каляеве. <...> эти два человека становятся для него предметом своего рода культа" [26, с. 50].

Революционная литература, к которой мы относим революционные биографии, а также устные рассказы о революционерах, являлись в большей степени дополнительным источником информации и пропаганды революционных идеалов. Революционные биографии (агиографии) становились основой будущих художественных произведений (повестей, романов, рассказов). Но так же как и художественная и научная литература являлись одним из основных источников для формирования и развития образа "Героя".

Личное влияние и конкретные примеры революционной деятельности участников революционных организаций

Не только печатное слово оказывало сильнейшее влияние на формирование образа "Героя". Как вспоминал Зензинов: "Еще больше сделали знакомства с революционерам..." [6]. Знакомство с испытанными русскими революционерами, лидерами революционного движения являлось одной из важнейших задач молодого революционера. «Знакомство с живыми людьми, за каждым из которых стояли долгие годы борьбы, испытаний и страданий

сделало еще больше, чем книги: юношеская пылкая восторженность заменилась горячей и твердой верой в светлое будущее и в счастье русского народа, чувство укрепилось знанием», – писал Зензинов [6]. Подобное влияние испытал на себе и М. Вишняк: "Умственное мое развитие протекало <...> не в семье, <...> и даже не в школе, а в том, что сопутствовало ей, – в среде, возглавлявшейся, <...> моральным Азефом, <...> – учителя праведной жизни и развратителя" [3]. Отметим, что внимание уделялось не только нравственному, но и интеллектуальному воспитанию и развитию.

Для молодежи, испытанные арестами, каторгами, ссылками, революционеры являлись героями, «настоящими революционерами». Личный контакт позволял укрепиться во взглядах молодому и пока еще неуверенному в своих революционных взглядах человеку. В подобном направлении Гр. Нестроев описал свою встречу с будущим руководителем Боевой организации партии эсеров Г.А. Гершуни: "Эта встреча определила всю мою дальнейшую жизнь, оказала громадное влияние на меня в смысле выработки определенных социально-революционных взглядов..." [17, с .8]. Аналогичные высказывания мы наблюдаем в интервью Б.А. Бабиной: "... в 14 лет, ... я повстречала бывшего народовольца, а затем эсера Самуила Моисеевича Шаргородского. И окончательно избрала этот путь" [1]. Вновь мы можем видеть сильнейшее влияние личной встречи. Такими знакомствами молодые революционеры очень дорожили и всегда пытались использовать любую возможность для общения с их "героями". Так, например, поступал Г.А. Гершуни, который, по воспоминаниям Брешко-Брешковской, "пользовался каждым удобным случаем, чтобы побеседовать с ней..." [4, с. 35].

Особо следует выделить родственные связи. Родители или ближайшие родственники некоторых будущих революционеров сами были либо действующими членами революционных организаций, либо отошедшими от революционных дел. Родные люди становились наилучшим образцом для подражания, так как всегда находились рядом. Так, например, Абрам Гоц и Илья Фондаминский, пошли по стопам своих старших братьев (Михаила Гоца и Матвей Фондаминский). Убийца министра внутренних дел Д.С. Сипягина, С.В. Балмашев брал пример со своего отца, народника В. Балмашева, которого В. Чернов описывал его как революционера, "застывшего в своем политическом развитии на довольно элементарной стадии, но человека, умевшего сильно влиять на молодежь своим вечно-юношеским энтузиазмом, душевной теплотой, мягкостью, вниманием к людям..." [9, с. 127]. В основном благодаря отцу у Степана Балмашева еще в раннем детстве сложились революционные взгляды.

Личное влияние, конкретные примеры деятельности революционеров являлись завершающим этапом в формировании "Героя". Сформировав через литературу и устные истории особый мысленный конструкт, благодаря конкретным примерам и личному влиянию

этот конструкт трансформировался в реального человека. Молодой революционер понимал, что у образа существует реальное воплощение и этим воплощением становились действующие революционеры

Формирование образа, в частности образа идеального революционера – "Героя", длительный сложный процесс. Наличие различных источников его формирования позволяет говорить о разнообразных подходах к созданию образа, так и сложностях в этом процессе. Роль каждого из указанных нами источников на отдельного революционера была различна.

Благодаря собственной системе представлений, формировался не только сложный мысленный конструкт, формировалась определенная система норм и ценностей. Можно говорить о том, что образ "Героя" выполнял нормативно-регулирующую функцию. Через образ "Героя" формировались основа революционной деятельности, стратегии поведения, психология, повседневная жизнь и т.д. Молодые революционеры опирались на те характеристики и выработывали в себе те качества, которыми был наделен "Герой". Образ "Героя" стал в некоторой степени регулятором отношений, поведенческим образцом внутри революционной субкультуры, ответом на вопрос молодых революционеров "делать жизнь с кого".

Список литературы

1. Бабина, Б.А. Интервью. [Электронный ресурс] URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires/babina1.zip> (дата обращения 03.11.14).
2. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 2007.
3. Вишняк, М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. [Электронный ресурс] URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires/vishdan.zip> (дата обращения 25.09.14)
4. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров. М., 1998.
5. Зензинов, В.М. Из жизни революционера. URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires/zensmem.zip> (дата обращения 17.10.14).
6. Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. [Электронный ресурс] URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires/zensmem.zip>. (дата обращения 16.09.14).
7. Иван Платонович Каляев. Типография Партии Социал.-Революционеров, 1905.
8. Итенберг, Б.С. Россия и Великая французская революция. М., 1988.
9. Календарь русской революции. Петроград, 1917.
10. Колесникова, Л.А. Мемуары революционеров 1870-х годов об идейно-психологическом влиянии на них литературы // Вопросы истории, №5, 2005.

11. Крпоткин, П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907.
12. Леонтьева, О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX - начала XX вв. Самара, 2011.
13. Михайловский, Н.К. Герои и толпа // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 2. СПб., 1896.
14. Михайловский, Н.К. Еще о героях // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 2. СПб., 1896.
15. Михайловский, Н.К. Еще о толпе // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 2. СПб., 1896.
16. Могильнер М. Мифология "подпольного человека": радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
17. Нестроев, Гр. Из дневника максималиста. Париж, 1910.
18. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 19.10.14).
19. Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
20. Петухов, В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М., 2010.
21. Рейтблат, А. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
22. Савинков, Б.В. Записки террориста. М., 2002.
23. Степняк-Кравчинский, С.М. Андрей Кожухов. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/stepnjakkrawchinskij_s_m/text_0030.shtml (дата обращения 8.09.14);
24. Степняк-Кравчинский, С.М. Подпольная Россия. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/stepnjakkrawchinskij_s_m/text_0010.shtml (дата обращения 9.09.14)
25. Тун, А. История революционного движения в России. Типография Партии Социал.-Революционеров, 1904.
26. Чернавский М.М. В боевой организации // Каторга и ссылка. 1930. № 8/9.
27. Чернов, В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин-Спб.-М., 1922.
28. Чернов, В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. [Электронный ресурс] URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires/chernpb.zip> (дата обращения 17.09.14).

Рецензенты:

Чуркин М.К., д.и.н., профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.

Никифоров О.А., д.и.н., профессор, заведующий кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей сообщения», г. Омск.